

Н. В. Клягин

К основаниям культурных революций

Преемником кениантропа плосколицего на нашем генеалогическом древе стал *кениантроп с озера Рудольфа* из Кении, Танзании, Эфиопии и Малави в Восточной Африке возрастом в $2,43 \pm 0,02$ — менее $1,82 \pm 0,04$, $1,6 \pm 0,05$ млн. лет назад. История возникновения этого гоминина видится так. Ближе к временной отметке 2,6 млн. лет назад кениантроп плосколицый исчерпал демографо-экологические возможности своих коллектив-

ных орудий в виде камней и палок, которые сдерживали его демографический рост, и начал размножаться.

Последствия этого процесса были многосторонними.

Во всякой популяции эволюция идет тем лучше, чем меньше популяция. Когда она велика, перспективные мутации тонут в море стабильного генетического состояния, не подхватываются естественным отбором и не ведут к видообразованию (как ныне в мно-

гочисленном человечестве). Размножение кениантропа плосколицего закономерно затормозило его эволюцию в направлении неотении и вызвало попятное эволюционное движение в сторону акселерации, т. е. ускорения индивидуального развития. Акселераты живут быстрее неотеников (в современном человечестве акселераты опережают неотеников на 4,5 года). Акселераты быстрее взрослеют, приходят к половой зрелости, мужают, стареют и умирают. При этом, ускоренно взрослея, они достигают больших размеров тела. Именно это случилось с финальным кениантропом плосколицым под влиянием демографического роста и акселерации: этот гоминин превратился в крупную форму, т. е. в кениантропа с озера Рудольфа.

Демографо-технологическая зависимость требовала от последнего гоминина усложнения технологии, и 2,6 млн. лет назад он создал орудия первой в истории археологической культуры *типичного олдовая*. В местонахождении Хадар, что в Эфиопии, орудия этой культуры 2,3 млн. лет назад уже были связаны с остатками кениантропа с озера Рудольфа.

Усложнение технологии сопровождается расширением списка применяемых коллективов орудий, что предполагает их специализацию. Специализированные же орудия более производительны, чем неспециализированные. Поэтому ряд технологических революций, которые были пережиты человечеством (см. далее), привел к росту производительности труда уже в эпоху первобытности.

Так, мезолитические охотники и собиратели австралийские аборигены и бушмены Южной Африки в среднем тратят на добычу средств к существованию всего 1 день их 4-х, а неолитические земледельцы и скотоводы папуасы Новой Гвинеи — 1 день из 10-ти¹. Можно предположить, что первый эпизод какого-то (пусть скромного) подъема производительности труда состоялся уже 2,6 млн. лет назад у кениантропа с озера Рудольфа в связи с его переходом на технологию типичного олдовая, более эффектив-

ную, нежели камни и палки предшествующей эпохи.

В эту предшествующую эпоху эффективность добычи пищи у наших предков не превышала таковую у высших приматов (шимпанзе, горилл, павианов), которые тратят на добычу средств к существованию все активное время (когда они не спят и не занимаются другими неотложными делами биологического характера). Занятые непрерывным коллективным сбором корма, наши предки той эпохи воспринимали свою коллективность как образ жизни и руководствовались обычными инстинктами общения. Когда у них поднялась эффективность труда, часть активного времени высвободилась от производственных забот. В образовавшееся свободное время кениантропы не были нужны друг другу, и их сообщества должны были со временем распасться. Выжили те из них, которые стихийно научились занимать досужее время непроизводительным общением, биологические предпосылки для которого имеются у родственных нам приматов.

Известно, что с приближением грозы шимпанзе радостно приплясывают, размахивая сорванными ветвями, что называется «танцем дождя». От аналогичного обычая наших предков мог произойти общечеловеческий (в прошлом) магический обряд вызывания дождя. В сезон изобилия природы встречающиеся стада шимпанзе с подъемом приветствуют друг друга, приплясывая, вскрикивая и барабана по корням деревьев, что называется «карнавалом». От этого мероприятия мог произойти магический обряд плодородия Кунапи у австралийских аборигенов, а также начала тацевальной, вокальной и музыкальной культур у гоминин. Гориллы и шимпанзе порой элементарно хоронят своих покойников, так что и погребальный культ у наших предков имеет биологические истоки. Не исключено, что перечисленные элементы духовной жизни, дающие поводы для непроизводительного общения, начали развиваться у кениантропа с озера Рудольфа. Однако археологических данных на этот счет пока нет.

Шимпанзе относительно легко усваивают человеческий язык жестов *амслен*, когда обезьянам складывают пальцы в нужный жест. Можно представить, как кениантропы с озера Рудольфа, обучая друг друга навыкам изготовления орудий типичного оловя, складывали подмастерьям пальцы нужным образом. Это привело к формированию словаря технологических жестов и к приспособлению моторной коры левого полушария головного мозга для обслуживания языка жестов. Управляющие жестовой речью мозговые зоны Брока (впереди) и Вернике (сзади) оказались разделенными нижней оконечностью моторной коры, руководящей пальцами руки, лицом и языком. Со временем зоны Брока и Вернике перешли на управление звуковой речью. Поэтому возбуждение, irradiрующее из них в моторную кору, заставляет нас назойливо жестикулировать при разговорах². Иными словами, кениантроп с озера Рудольфа произвел первую в истории человечества культурную революцию, связанную с освоением членораздельной речи.

Кениантроп с озера Рудольфа дерзнул на технологическую и культурную революции не случайно. С социально-психологической точки зрения решимость на подобные революции отнюдь не очевидна. Так, кениантроп плосколицый, по-видимому, постоянно имел рабочие камни под руками (как и современные шимпанзе) и ничто не мешало их обрабатывать. Однако он предпочитал традиционное применение необработанных камней, и потребовался демографический взрыв, давление демографо-технологической зависимости и акселерация, давшая кениантропа с озера Рудольфа, чтобы состоялась культура типичного оловя. **Оловяйская технологическая революция** стала возможна потому, что инфантилизовавшаяся вследствие акселерации психика кениантропа с озера Рудольфа перестала держаться за традиции, легко приняла новую технологию и новый способ общения в виде языка жестов, т. е. культурную революцию.

О демографическом взрыве у кениантропа с озера Рудольфа говорит его экспансия

на юг, в Малави, уже 2,4 млн. лет назад, и под влиянием теплого интергляциала Бибер/Донау, 2,3–2,0 млн. лет назад, — на север, о чем свидетельствует появление орудий типичного оловя 2,2 млн. лет назад в Якутии (Диринг) и во Франции (Сен-Валье и Сент-Эбле)³. Инфантилизацию сознания вследствие акселерации мы подробнее обсудим дальше.

Следующий демографический взрыв постиг наших предков в Восточной Африке 1,835 млн. лет назад. Это событие закономерно вызвало акселерацию и возникновение нового гоминина с большими размерами тела, а именно: *человека-мастера*, или раннего питекантропа. Об акселерации у человека-мастера свидетельствует образец Нарюкотоме III из Кении (1,60±0,05 млн. лет назад): мальчик в возрасте 12±1 год имел рост 1,68 м, что обещало в зрелости до 2 м; азиатский представитель из Сангирана на Яве (1,66±0,04 млн. лет назад) известен как гигант, «мегаантроп».

Демографо-технологическая зависимость толкнула этого гоминина к усложнению технологии, что повлекло *ашельскую технологическую революцию* 1,6 млн. лет назад. Прежде односторонне обработанные орудия были дополнены двусторонне обработанными орудиями (*бифасами*), что расширило и усложнило инвентарь ашельской культуры. Однако бифасы не были изобретены. Уже кениантроп с озера Рудольфа, снимая отщепы с ядрища (нуклеуса), автоматически получал в остатке болванку, именуемую *протобифасом*, т. е. готовый образец двусторонне обработанного орудия. Протобифасы сохранялись и переносились с места на место для дальнейшего скола отщепов, но кениантропам ничуть не приходило в голову, что у них в руках революционная технология. Равнодушное к новой технике объяснялось не глупостью кениантропа, а тем обстоятельством, что его демография не требовала усложнения технологии сверх оловяйской.

Ашельская технология повысила производительность труда, наделила человека-

мастера добавочным свободным временем и потребовала для его социализации форм общения непроизводственного ствойства. В ход пошли нравственные отношения людей. Поведение высших животных и людей складывается из двух составляющих: эгоистической и альтруистической. Сформировавшееся в результате индивидуального естественного отбора эгоистическое поведение заставляет особь действовать только в собственных интересах, что замыкает ее на саму себя. Рожденное в групповом отборе родичей альтруистическое поведение толкает особь к самоотверженным поступкам в интересах родни. Такое поведение нацелено на окружающих. Именно оно было раздутью у человека-мастера, о чем свидетельствуют остатки тяжело больной женщины KNM-ER 1808 из Кооби Фора в Кении возрастом более 1,5 млн. лет, которая выжила лишь благодаря альтруистической заботе соплеменников. Альтруистическое поведение вылилось в нравственные поступки, а их обсуждение, заполняющее досуг, породило начала морального сознания. Культурная революция нравственности у человека-мастера облегчалась его инфантильной добротой, развившейся благодаря акселерации.

Двухметровый человек-мастер является наиболее вероятным кандидатом на роль гипотетического «снежного человека», распространенного в горах Центральной Азии и лесах Северной Калифорнии. Если это так, то миролюбие «снежного человека» находит объяснение в инфантильной доброте человека-мастера.

Третий демографический взрыв разразился на Ближнем Востоке у представителей современного вида человека 50 тыс. лет назад. В соответствии с демографо-технологической зависимостью он вызвал *верхнепалеолитическую технологическую революцию* пластинчатых индустрий и бросил вооруженных *ориньякской археологической культурой* сапиенсов в Европу. Пластинчатый ориньяк тоже не изобретался, так как 2 пластинки представлены уже на стоянке кени-

антропа с озера Рудольфа Омо 123 К в Эфиопии возрастом 2,06/1,99–1,93 млн. лет. Позже пластины встречались в составе мустьерской культуры⁴ неандертальцев возрастом 333–32,5 тыс. лет.

Носители ориньяка испытали акселерацию, о чем свидетельствуют остатки собственно *кроманьонцев* из абри де Кро-Маньон во Франции с археологической культурой ориньяк IV возрастом 27680±270 лет, где средний рост мужчин достигал 185 см. Подъем производительности труда у ориньякцев толкнул их к слепым поискам новых форм общения для социализации праздного времени. Инфантилизация психики вследствие акселерации сообщила им детский задор и толкнула к созданию массы глубоких и сверхглубоких украшенных пещерных святилищ художественных стилей II–IV возрастом 32,4–10,2 тыс. лет. Культурная революция глубоких святилищ сопровождалась интеллектуальным расцветом астрономических, календарных и арифметических знаний, прогрессом художественного мастерства, приведшим к «фотографическому реализму», и, по-видимому, совершенствованием нравов, способствовавшим трудоемкому делу по коллективному созданию и культовому обслуживанию глубоких святилищ.

Четвертый демографический взрыв произошел также на Ближнем Востоке 16 тыс. лет назад, спровоцировал *неолитическую тех-нологическую революцию производящего хозяйства* 12 тыс. лет назад и, возможно, вызвал акселерацию у предков высокорослых западных семитов. Производящее хозяйство (земледелие и скотоводство) не изобреталось — оно было известно мезолитическим народам (австралийским аборигенам, южноамериканским индейцам), но не развивалось из-за их малочисленности. Демографический скачок вдохнул жизнь в мезолитические зачатки земледелия и скотоводства.

Возникшее разделение труда расщепляло неолитическое общество и требовало средств его консолидации, в роли которых выступили города, *цивилизация*. Предпо-

жительно, психологическая инфантильность заставила неолитического человека позволить слепому социуму запретить себя в душных городах. Это привело к культурной революции урбанизации. Высокая эффективность производящего хозяйства, избыток свободного времени и нужда в его социализации вызвали прогресс в области интеллекта (появились *индивидуальное самосознание, наука и общеобразовательная школа*), религии (появилась *догматическая мифология*), нравственности (появилось *правовое сознание*) и искусства (появились его *светские формы*).

Первый этап пятого (современного) демографического взрыва в Западной Европе XI — середины XVI вв. вызвал промышленную революцию в Италии XIV в. (затем — по всей Западной Европе). Скачок производительности труда, высвобождающий активное время и выстраивающий нужду в духовных социальных связях, породил эпоху Возрождения в Италии XIV в. (затем — по всей Западной Европе). Следует подчеркнуть, что Ренессанс, строго говоря, еще не был подлинной культурной революцией, так как являлся реставрацией античных ценностей. Подлинная культурная революция состоялась позже.

В конце XVIII в. в Западной Европе (сперва в Норвегии) отмечены признаки акселерации роста и созревания населения. Углубляясь от поколения к поколению, процесс акселерации привел к тому, что ныне средний рост у акселерированных мужчин стал кроманьонским (185 см), а пубертатный скачок роста происходит в $14 \pm 1,5$ года, т. е. на 4,5 года раньше, чем до эпохи акселерации⁷. Созревая раньше неотеников, акселераты теряют 4,5 года психологического взросления и вступают в физически взрослую жизнь подобно неотеникам девяти с половиной лет в психологическом отношении. Их инфантильная психика нисколько не держится за традиции, что позволяет радикально преобразовывать духовную культуру.

По этой причине подлинная культурная революция, по счету пятая в истории, от-

носится к современной эпохе акселерации. В интеллектуальной сфере мы имеем такие революционные достижения в науке, как *дарвинизм* (Ч. Р. Дарвин, 1809–1882, публикация — 1859 г.), *менделизм* (Г. И. Мендель, 1822–1884, публикация — 1866 г.), *периодическая система элементов* (Д. И. Менделеев, 1834 — 1907, открытие — 1869 г.), *теория относительности* (А. Эйнштейн, 1879–1955, публикации — 1905, 1917 гг.), *квантовая механика* (Н. Х. Д. Бор, 1885–1962, публикация — 1913 г.) и др. В сфере религии человечество обогатилось большим количеством нетрадиционных сект. В сфере нравственности прошлый век отличился сексуальной революцией 1960-х годов. В сфере литературы и искусства человечество получило массовую культуру.

Эти религиозные, моральные и эстетические достижения носят откровенно инфантильный характер игры во «взрослые» религии, мораль и искусства.

Встает вопрос: как оценивать нынешнюю революцию массовой культуры? Казалось бы негативный ответ напрашивается сам собой (С. С. Говорухин). С социально-философской точки зрения, с этим трудно согласиться. Дело в том, что современная культура столь сложна и многообразна, что со временем ее отрасли стали бы эзотерическими, недоступными для полноценного восприятия кем-либо, кроме своих адептов. Культура же по происхождению призвана объединять людей в свободное время, а не разобщать.

Единственный способ сохранить современную сверхсложную культуру в качестве общечеловеческого достояния состоит в том, чтобы культуру упростить до общедоступного уровня. Именно это произвела массовая культура руками своих инфантильных творцов голливудского типа. В противном случае социум задушил бы массовую культуру в зародыше. Раз естественный отбор дал ей зеленый свет, значит, плачевное состояние роскошной современной культуры полезно обществу в перспективе: в плане объединения людей (см. выше).

Со временем акселерация закончится, как она кончалась уже 4 раза в истории, и на смену бесшабашным акселератам придут взвешенные неотеники. Они склонны к традиционализму, не способны на культурные революции и именно поэтому скрупулезно унаследуют результаты современной культурной революции, как делали это уже четырежды в истории.

Получается парадоксальная картина. Узловые, революционные эпизоды в нашем культурном развитии обязаны происхождением деятельности инфантильных акселератов, а зрелые неотеники лишь наследовали их радикальные достижения и педантично вводили в традицию.

Отсюда следует, что неотеники не могут иметь содержательного культурного идеала, который отвечал бы на вопрос «что?». Им свойственен исключительно технический культурный идеал, отвечающий на вопрос «как?». Как должна существовать культура? Какой она должна быть? Неотеник отвечает: традиционно, традиционной. Напротив, акселерат, как всякий ребенок (психологически), мечтателен. Его не интересуют традиции. Он грезит о том, как бы обновить наличное состояние культуры, а потому формулирует ее содержательный идеал. При этом подлинный идеал развития культуры, конечно, не совпадает с инфантильными идеалами акселератов. Например, создатели массовой культуры не имеют понятия о том, что трудятся не над своими вздорными проектами, а над задачей упрощения неподъем-

ного массива человеческой культуры до обывательского уровня среднего человека, чтобы сохранить социализирующую функцию культуры.

¹ См.: Биология человека / Дж. Харрисон, Дж. Уфйнер, Дж. Еэннер, Н. Барникот, В. Рейнолдс. М., 1979. С. 491; Кабо В. Р. Первобытное общество и природа // Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 151–153; Lewin R. New Views Emerge on Hunters and Gatherers // Science. 1988. Vol. 240. №4856. P. 1146–1148; Winterhalder B. Work, resources and population in foraging societies // Man. 1993. Vol. 28. №2. P. 321–340.

² См.: Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспекти). М., 1996. С. 43; Он же. Человек в истории. М., 1999. С. 181; Corballis M. C. The Gestural Origins of Language // American Scientist. 1999. Vol. 87. №2. P. 138–145.

³ См.: Мочанов Ю. А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. Новосибирск, 1992. С. 131; Leroi-Gourhan A. Dictionnaire de la Préhistoire. Paris: Presses Universitaires de France, 1988. P. 935; Ackerman S. European Prehistory Gets Even Older // Science. 1989. Vol. 246. №4926. P. 28.

⁴ См.: Bordes F. Essai de Classification des industries «mousteriennes» // Bulletin de la Société Préhistorique française. 1953. Т. 50. №7–8. P. 457–466.

⁵ См.: Биология человека. С. 423–427.

Новые книги

Намлинская, О. О. Национальная идентификация молодых русских в современной России : науч. монография / О. О. Намлинская ; отв. ред. Вал. А. Луков. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. — 96 с.

Русский интеллектуальный клуб : стенограммы заседаний и др. материалы / под науч. ред. И. М. Ильинского ; МосГУ. М. : Социум. 2000. Кн. 5 : Перспективы мирового коммунизма. Перспективы мирового либерализма. Александр Зиновьев: судьба и образ гения. 2007. — 223 с.